

Терапевты и еочиненіе Филона Іудея „О Жизни Созерцательной“ (Περὶ βίου θεωρητικῆς)¹⁾.

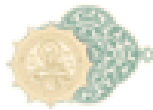
Мѣсто уединенія терапевтовъ D. V. С. Если терапевты имѣли свою особенную колонію „у озера, впадающаго въ море“, то въ какую сторону отъ Александріи она находилась?

Іудеи въ Александріи занимали сѣверо-восточный конецъ города. Повидимому, на СВ., а не на ЮЗ. отъ Александріи и надо бы искать мѣсто уединенія подвижниковъ D. V. С. Главная улица древней Александріи, Канапусъ, пересѣкавшая городъ по направленію отъ западной гавани Евнота къ Востоку (Нилу), выходила чрезъ Канапскія ворота. „Пройдя ихъ, говоритъ Страбонъ, мы имѣемъ съ правой стороны опоясывающій городъ каналъ къ Канолу“ (теперь Абукиръ, при истокѣ самаго западнаго рукава Нильской дельты), соединявшій рѣку съ озеромъ и моремъ. Къ востоку отъ города, по направленію Канопскаго канала, за ипподромомъ и рядомъ съ предмѣстьемъ Пикополемъ, на трехступенномъ холмѣ, находилась деревня Элевзинъ, веселая подгородная мѣстность, куда по каналу ѣхали цѣлыя флотиліи веселящихся александрійцевъ,—гдѣ были „терра-

¹⁾ См. Труды Кіевск. Дух. Ак. апрѣль, 1909 г.

сы и залы съ широкимъ видомъ вдаль, и гдѣ желавшій всегда могъ найти компанію избѣженныхъ мужчинъ и женщинъ, ведущихъ распутный „капопскій образъ жизни“ (Страб. Геогр. 17, 16, перев. Мищенко, 817. Каз. 1892). Элевзинъ господствуетъ надъ окрестностью и озеромъ Мареотисъ (современное Marjouth), но едва ли эготъ шумный холмъ могъ понравиться искавшимъ тишины аскетамъ D. V. C. Потому, естественноѣ отодвинуть ихъ поселокъ нѣсколько дальше отъ города на невысокіе известковые холмы за предмѣстьемъ Никололемъ. Эта догадка вполне согласовалась бы съ упоминаніемъ D. V. C. 474, 45 о многихъ поселеніяхъ вблизи жилищъ тералевтовъ, да и самъ Никополь, по размѣрамъ не уступавшій Александріи, былъ очень населеннымъ пунктомъ (Страб. 17, 10, Мищенко, 813). Въ новѣйшее время въ этой мѣстности находили очень много еврейскихъ могилъ съ надписями, въ которыхъ, между прочимъ, верѣдко встрѣчается имя Филона. Что можетъ быть правдоподобнѣе предположенія, что созерцатели селились вблизи кладбища? Тихій городъ мертвыхъ былъ вполне подходящимъ мѣстомъ для *ἐστῆται τῶν ἀσκητῶν*. Отъ такой догадки, однако, насъ предостерегаютъ слова D. V. C.: „озера, впадающаго въ море“. Мѣсто ясно, и понимать его можно только буквально, что озеро соединялось съ Средиземнымъ моремъ черезъ Нилъ или спеціальныя каналы, непосредственно проведенные къ морю.

Когда то бывшее оживленной внутренней гаванью Александріи, Мареотисъ въ теченіе вѣковъ затонуло тиной и въ настоящее время заполнено водой, проведенною сюда въ 1801 году изъ озера при выныбшемъ г. Абукирѣ англійскими войсками. Оно ниже уровня океана и впадать въ Средиземное море не можетъ. Но каналы прежде содержались чисто, и еще въ 16 вѣкѣ во время половодья Нила воды изъ озера вливались черезъ нихъ въ море. Старая Александрія была построена на широкой песчаной косѣ

(тѣмъ), тянувшейся отъ Нила къ Ливійской пустынѣ между Средиземнымъ моремъ и Мареотскимъ озеромъ. Каналы въ этой узкой полосѣ могли быть прорѣзаны очень легко. О какомъ же говорить Филонъ? Никакого канала къ морю, прорѣзавшаго тѣнію за Элевзиномъ, не было. Въ противоположной части города, вблизи Серапеума, на карты древней Александріи нанесенъ другой, широкій, но не глубокій, каналъ, проведенный къ Средиземному морю отъ орошающаго городъ большого (верстъ 40) Канопскаго. Не здѣсь ли, на юго-западной сторонѣ (а не на сѣверо-восточной) города замѣтили Филонъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, *ἡσυχαστὰς ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ*? Не селились ли они вблизи этого канала у древнихъ кварталовъ Александріи — тамъ гдѣ были изъ земли упоминаемые Атенсеемъ (*Ἀττινοπολίται*, I 33, изд. Meineke) „мареотидскіе источники“, быть можетъ, тѣ самые, о которыхъ говорить D. V. C. 477, 9?

Частныя черты жизни терапевтовъ. Типъ іудейскаго ученаго, съ Моисеемъ въ рукахъ, желавшаго угодить Богу, имѣеть, какъ видѣли, достаточно аналогій въ чертахъ подвижниковъ D. V. C.

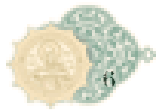
Но будетъ ошибкою считать терапевтовъ узкими законниками, знавшими и изучавшими лишь Тору и за всю свою жизнь не прочитавшими ни одной „свѣтской“ книги. Живя въ просвѣщенномъ городѣ, они не могли стоять внѣ культурнаго теченія современности D. V. C. опредѣленно называетъ своихъ *ἡσυχῆς* людьми свѣтскими, принадлежащими къ хорошей фамиліи (*ἰσχυροὶ καὶ εὐγενεῖς*). До погруженія въ *βίος ἡσυχαστικός* они жили полною жизнью дѣловаго человека и ушли изъ міра, уже достаточно въ немъ потрудившись. Трактатъ представляетъ терапевтовъ вовсе не бѣдными. Если они жили болѣе чѣмъ скромно, то изъ побужденій моральнаго свойства. Знаемъ же мы про Сенеку, что съ серебра и золота и въ облицованной мраморомъ столо-

вой онъ пить воду и ѣсть простой хлѣбъ: да и по тому рѣчи Филона видно, что и самъ онъ (D. V. С. 182, 17, 39) и его читатели жизнь среди книгъ (онѣ тоже чего-нибудь стоили) и философскихъ размышлений д пускали только для людей обезпеченныхъ. Ср. уже Сирахъ, 38, 24—39. Замѣчаніе Филона, что „на пиру терапевтовъ нѣтъ рабовъ“, вѣроятно, сдѣлано было по связи и ходу мысли автора, описывавшаго жизнь людей высшаго круга (какіе рабы у бѣдняковъ?) и желавшаго подчеркнуть, что, не въ примѣръ, а такъ сказать, въ обличеніе прочимъ знатымъ людямъ своего времени, терапевты, хотя и имѣли право, но отказывались во время собраний отъ услугъ рабовъ, дѣлаи, что можно и необходимо, своими руками. Возможно, „отдавая свои имущества знакомымъ и родственникамъ“, они извѣстную сумму, „безъ чего прожить невозможно“, оставляли при себѣ. Не безъ основанія же терапевты, боясь воровъ, строились не такъ близко, чтобы стѣснять другъ друга (терапевты, замѣчаетъ D. V. С. любятъ уединеніе; имъ не нравятся скученность городскихъ построекъ), но и не такъ далеко одинъ отъ другого, чтобы, въ случаѣ нападенія грабителей, можно было не медля подать помощь сосѣду (475, 10—14) Почему не принять, что терапевты просто поручали другимъ управленіе своими имѣніями и, отстранившись, такимъ образомъ, непосредственно отъ дѣлъ, жили на доходы, регулярно доставлявшіеся имъ ихъ управляющими? Ихъ могли поддерживать также и тѣ, кто, извѣрившись въ научной медицинѣ городовъ (471, 18; ср. Марк. 5, 25—26), обращался къ нимъ, врачамъ душъ (471, 19—23), за совѣтомъ и помощью? Терапевты, вообще, не были циниками и не отказывались отъ жизненныхъ удобствъ. Селились они не въ пустынь, а вблизи крупнаго центра. Дома ихъ достаточно просторны, имѣютъ сарайсы, не одну слѣдовательно комнату. На столъ ихъ подавалось мясо и

вино ¹⁾). Пусть, „подъ благословеннымъ небомъ Египта можно безбѣдно существовать и ничѣмъ не владѣя“, а славившееся въ древности марсеотійское вино (Страбонъ, Географ. 17, 14) на мѣстѣ его выдѣлки почти ничего не стоило, но и скромный бюджетъ все же требовалъ денегъ.

Какъ люди состоятельные, они имѣли возможность стоять въ курсѣ тогдашней образованности, и нѣтъ основаній считать ихъ узкими законниками, которые, замкнувшись въ свои семіоны, съ головою ушли лишь въ Моисея. Правда, слово „теоретикъ“ для нашего сознанія едва ли не равносильно понятію узко-метафизическій и почти непреодолимо вызываетъ въ душѣ мысль о человѣкѣ одностороннемъ, но *θεωρητικός* Филона синонимъ высоко развитой личности и приблизительно равно нынѣшнему термину—„интели-

¹⁾ Повидимому, терапевты во время своихъ праздничныхъ трапезъ (на это, какъ и на содержаніе молитвеннаго дома, нужны были средства) въ идейныхъ цѣляхъ подчеркивали малоцѣнность для души человѣка тѣлесныхъ потребностей; по крайней мѣрѣ, Филонъ заставлялъ ихъ по торжественнымъ днямъ, вѣсто обильнаго праздничнаго стола, довольствоваться только водой, хлѣбомъ и солью. „Изъ эти праздничные дни“, говоритъ D. V. C., описывая одинъ изъ великихъ іудейскихъ праздниковъ (вѣроятно, Пятидесятницу), „вина за трапезу терапевтовъ не подается, и столъ свободенъ отъ животной пищи“ (483, 4. 6—8). Въ обычное время терапевты, очевидно, не отказывались отъ вина и мяса; но въ Пятидесятницу, быть можетъ, въ противодѣйствіе царившему въ дни этого праздника разгулу, трапезовали особенно скромно. Пятидесятница, совпадавшая со днями жатвы, считалась и по закону (Втор. 16, 11) днями веселья, и общественное сознаніе снисходительно мирилось съ обычными въ эти дни праздничными эксцессами. Іерусалимскіе іудеи недолго задумывались надъ объясненіемъ возбужденія апостоловъ въ день Пятидесятницы, и предположеніе объ ихъ опьяненіи (Дѣян. 2, 13) показалось всѣмъ достаточно правдоподобнымъ, если св. Петръ рѣшилъ выступить на защиту дѣла Святаго Духа Божія.

лигентный“, „ученый“. Въ De Sept. (M. II. 279) онъ пишетъ: „созерцающіе природу и все, что она содержитъ, изслѣдуютъ землю, море, воздухъ, небо и ихъ сущность. Они мысленно слѣдятъ за движеніемъ луны, солнца, за другими звѣздами, неподвижными и подвижными, совершаютъ шествіе по эфиру“. „Наслѣдники божественныхъ благъ, читаемъ въ Quis R. D. Nascr (M. I 484, 2—9), возводя очи къ небу, созераютъ божественное слово, эту небесную манну и негибнущую пищу для той души, которая любитъ прекрасныя картины; тогда какъ другіе обращаютъ вниманіе лишь на лукъ (Числ. 11, 5) и произведенія почвы“. Вездѣ, гдѣ Филонъ ведетъ рѣчь о подобныхъ созерцателяхъ, онъ говоритъ о нихъ съ воодушевленіемъ: видно, что всѣ симпатіи его на сторонѣ этихъ аскетовъ, въ экстатическомъ восторгѣ глядѣвшихъ выше этого видимаго солнца (D. V. C. 473, 12). Вообще же, философское раздѣленіе понятій жизни практической и созерцательной было обычнымъ у образованныхъ грековъ, по крайней мѣрѣ, со времени Аристотеля, дѣлившаго *φύσις* (что для древнихъ и наука жизни и образованность) на двѣ части: практическую и созерцательную. Первая необходимая ступень второй; изощряя способность человека, она подготавливаетъ его къ работѣ мысли, истинной дѣятельности духа, что для Аристотеля и есть блаженная и созерцательная жизнь. Филонъ, въ общемъ, согласно съ Аристотелемъ (хотя о созерцательной жизни говоритъ болѣе съ эстетической точки зрѣнія, а жизнь практическую разсматриваетъ главнымъ образомъ, какъ приготовленіе къ жизни истинной религіозности), различаетъ *θεωρητική* жизни практической, борьбу съ судьбой, самовоспитаніе—отъ высшей ступени совершенства, *θεωρητική* *κατὰ φύσιν* и *κατὰ νόμον*, предполагающаго первый какъ основаніе (ср. D. V. C. 476, 36). Первая ступень—самовоспитаніе человека, приобрѣтеніе нравственной выдержки и господства

надъ собой *ἀρετήν* при пользовании всякими *ὑποτάξαι*. *Ἀρετή* — это — высшее благо. *ἡ δὲ τοῦ τέλει, ἡ ἡσυχία* — преимущественное состояніе совершенства, которое есть уже *ἀρετή*, награда для мудраго Оно, по Филону, доступно только лучшимъ, *ἀρετῶν* „разрѣшившимся въ чистую душу“. Порфирій въ *De Abstinencia* (4, 6: 2, 53) названія *θεωρία* и *θεωρητικὸς* употребляетъ въ рѣчи о тѣхъ, кто презираетъ роскошь, чувственные удовольствія, умерщвляетъ плоть и стремится къ созерцанію единственно истиннаго бытія (*το ὂντος ὄν*). Св. Іустинъ мученикъ словомъ *θεωρητικὸί* обозначаетъ одну изъ философскихъ школъ Греціи („Разговоръ съ Трифономъ иудеемъ“ *Міре VI*, 476) Быть можетъ, Масбю (р. 41), желая представить терапевтовъ философскимъ кружкомъ, преувеличиваетъ, обращая молитвенную комнату терапевтовъ въ „cabinet de travail“, въ ученую комнату, гдѣ кромѣ Писанія, въ группѣ *τῶν αἰώνων* (475, 41) находились свитки всевозможныхъ сочиненій и даже астрономическіе приборы. Но, несомнѣнно на терапевтахъ должно было отразиться соседство съ такимъ „полнымъ ученыхъ“ лицъ и учреждений городомъ, какимъ была древняя Александрія.

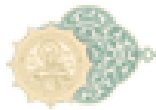
Жизнь терапевта, правда, жизнь религіознаго подвига и благочестиваго воодушевленія: терапевты, прежде всего, убѣжденные подвижники и потому уже люди науки и знаній. Въ такомъ случаѣ ихъ „созерцаніе“ — покая, высшая степень въ сравненіи съ жизнью практической, тою, на примѣръ, которую вели ессеи. Филонъ выразительно отбѣняетъ превосходство терапевтовъ надъ ессеями, и трактаты не даетъ права свѣдѣвать съ ними аскетическій кружокъ александрійскихъ законниковъ, что перфѣдко дѣлаютъ, заставляя александрійскихъ иудеевъ подражать знаменитымъ отшельникамъ родной земли, взявъ у нихъ и нормы жизни и имя. Въ этомъ случаѣ и названіе „*θεωρητικὸί*“ понимаютъ

какъ простой переводъ семитскаго „ессей“, производя слово ессей отъ „аса“—лѣчить, врачевать¹⁾.

Правда, прочно организованный институтъ Ессейства могъ бы быть хорошей параллелью терапевтамъ, и если бы источники не ограничивали лишь Палестиной сферы дѣйствій ессеевъ, то, допустивъ перенесеніе Ессейства на Египетскую почву и, подъ воздѣйствіемъ особыхъ условій Александрійской жизни, нѣкоторое видоизмѣненіе и одухотвореніе его въ сторону повышенія огниченности (Эвальдъ), можно бы изучать терапевтовъ, какъ вѣтвь ессеевъ. Въ сущности, это среднія явленія. По Филонъ въ первыхъ же строкахъ D. V. C. говоритъ, что онъ опишетъ людей отличныхъ отъ ессеевъ и гораздо болѣе совершенныхъ чѣмъ они. И, кажется, будетъ рискованнымъ переводить вступленіе D. V. C. такъ: „сказавъ объ ессеяхъ, которые ведутъ во всемъ жизнь дѣятельную, напишу теперь и про тѣхъ изъ ессеевъ, которые ведутъ жизнь созерцательную“,—передъ ἐσσηῖται отъ оригинала D. V. C. нѣтъ члена τῶν.

Разсказавъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій о жизни Палестинскихъ ессеевъ, Филонъ хочетъ показать, что люди ми благородныхъ стремленій не скудеютъ и Египетъ, что мудрецы есть и въ іудействѣ разбѣянія. По нему египетскіе іудеи выдѣлили изъ своей среды людей даже болѣе возвышенныхъ, чѣмъ подвижники Палестины. Эти послѣдніе—обыкновенные благочестивые поселяне, жившие всюду

¹⁾ Этимологія слова ессей спорна (см. у О. Ченны „Происход. и сущ. ессейства“, 98—99), но, по наиболѣе принятому объясненію, названіе ессей происходитъ отъ сирскаго прилагательнаго haso—прибѣгающій, обращающійся (къ Богу), благочестивый. Самъ Филонъ сближаетъ названіе ἐσσηῖται съ словомъ ἁγιότης—святости. (Ср. св. Златоустъ, Бес. 40 на Дѣян. 21). См. еще: Nestle Zum Namen der Essäer. Z. f. neutest. Wiss. 1903, III).

въ городахъ и деревняхъ Палестины. Идеаломъ для нихъ (въ главной колоніи у Мертваго моря) была трудовая жизнь съ простыми отношеніями, съ обращеніемъ большого вниманія на священныя общественныя дѣйствія (омовенія, общія ежедневныя трапезы, торжественныя акты посвященія въ степень): они не стремились къ возможно свободной, ничѣмъ не стѣсненной жизни ученыхъ (*φιλόσοφος*). Путемъ своихъ заработковъ ессеи пополняли суммы общей кассы. Не то терапевты: руки ихъ *καθαρά λουγόμεναι*: единственнымъ и всецѣлымъ предметомъ ихъ заботъ (*ἐργασίας καὶ θεωρήσεως*; D. V. С. 486, 4) была философія. Ессеи только на субботнихъ собраніяхъ въ синагогѣ поднимали религіозные вопросы; терапевты же, уединившись въ свои *εἰρηεῖς*, проводятъ все время въ *ἥσυχαι*: читаютъ законъ, поютъ псалмы во славу Бога и сознательно бѣгутъ отъ всякаго дѣловаго общенія съ тѣми, „для кого земная жизнь еще не кончилась“ (D. V. С. 473, 19).

Жизнь терапевтовъ — непрерывный подвигъ. Чтеніе Писаній они сопровождаютъ усиленнымъ постомъ и свято блюдутъ нравственныя предписанія. „Все время съ утра до вечера употребляется ими на религіозныя размышленія и упражненія. Читая Священное Писаніе, они философствуютъ, аллегорически толкуя законоположеніе отцевъ. Въ теченіе шести дней каждый изъ нихъ, уединившись въ монастырь, занимается все время философіей, не выходя, даже не позволяя себѣ смотрѣть наружу. Питій и яствъ никто изъ нихъ до заката солнца и не коснется, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, только занятіе философіей достойно снѣда (дна), наоборотъ, время, подходящее для удовлетворенія нуждъ тѣлесныхъ,—почь. Нѣкоторые же, у кого страсть къ знанію особенно сильна, проводятъ въ своихъ занятіяхъ по три дня, и не вспоминая о пищѣ; есть и такіе, которые такъ пикуютъ и настолько обильно питаются отъ пира мудрости, что удвояютъ этотъ срокъ и едва на шестой день

отвѣдываютъ необходимой пищи. Поведѣтельница, которыхъ дама смертнымъ природа, они стараются удовлетворить, но предлагаютъ имъ только самое необходимое безъ чего прожить невозможно, избѣгая пресыщенія, какъ врага, вредящаго душѣ и тѣлу. Они всегда и вездѣ слѣдуютъ воздержности благородной свободы. Жилища ихъ очень скромны, построены такъ, чтобы служить защитой отъ холода и зноя. И одежда ихъ самая простая.

Они всегда имѣютъ непрестанную память о Богѣ... Во взаимныхъ отношеніяхъ держатся простоты. День начинаютъ и кончаютъ молитвою.

Праздничныя собранія терапевтовъ и великій праздникъ. Однообразная, полная религіозной сосредоточенности, жизнь терапевтовъ нарушалась въ субботу. Общій сеціонъ, гдѣ въ будни одиноко сидѣли лишь наблюдатели за знаніемъ эфемеровъ, наполнялся, если не нарядно, то, во всякомъ случаѣ, чисто (въ бѣлыхъ одеждахъ; D. V. C. 431, 30) одѣтыми „почитателями Бога“. „Седьмой день, говоритъ Филонъ, передавая свои и общеіудейскія воззрѣнія, они (терапевты) считаютъ за особо священныя и достойныя празднованія. После попеченій о душѣ, въ этотъ день они помазываютъ и тѣло, ослабляя свои постоянныя труды. — Но этимъ седьмымъ днемъ они сходятся какъ бы на общее собраніе. Садятся въ приличныхъ позахъ, скрывъ руки подъ платьемъ, положивъ правую между грудью и подбородкомъ, а лѣвую опустивъ вдоль бедра. Старѣйшій и наиболѣе свѣдущій въ ученіи, выдѣлявшійся, начинаетъ говорить. Въ его словахъ нѣтъ блеска ораторскихъ разсужденій и рѣчей современныхъ софистовъ: онъ заботится только объ ясности выраженій и точности мысли. Онъ не хочетъ блеснуть ученостью и тѣмъ заслужить похвалу; потому, не стѣняясь, дѣлаетъ отступленія и повторенія, и говоритъ не слыша, чтобы свою бесѣду сдѣлать кончатною и для тѣхъ, кто, не имѣя большой проницаемости, желаютъ бы все же извѣдать что-нибудь

прочихъ. Все слушаютъ въ глубокомъ молчаніи, выражалъ свое одобреніе только взглядомъ и киваніемъ головы. Никто не позволяетъ себѣ пошевеливаться, молвить слово или даже слышно вздохнуть. Ораторъ, при напряженномъ вниманіи, говоритъ по поводу прочитаннаго мѣста Священнаго Писанія или же рѣшаетъ предложенный кѣмъ-либо вопросъ. Когда онъ кончитъ, аудиторія награждаетъ его шумными и продолжительными аплодисментами въ знакъ радости объ открытіи тайны Писанія. Потомъ предстоятель поднимается и поетъ псаломъ во славу Бога, или своего сочиненія, или составленный кѣмъ-либо изъ древнихъ мужей, оставившихъ много псалмовъ и пѣсней разныхъ размѣровъ и мелодій. Послѣ него поютъ и другіе, съ подобающей пристойностью, соблюдая очередь. Все другіе слушаютъ въ молчаніи, нарушая его только тогда, когда надо пѣть послѣдній припѣвъ сиробы¹⁾.

Нѣсколько иначе рисуетъ D. V. C. большіе праздники терапевтовъ. Одинъ изъ такихъ праздниковъ съ ночнымъ промомъ терапевтовъ D. V. C. описываетъ съ большимъ воодушевленіемъ и любовью. Много спорятъ о томъ, какой праздникъ имѣетъ въ виду Филонъ. D. V. C. (481, 22) просто говоритъ: „δι' ἑπτά ἑβδομάδων σιμρίδων“, т. е. черезъ семь седмиць (терапевты) сходятся. Такъ какъ Филономъ не указано terminus a quo отсчитыванія этихъ семи седмиць, то обыкновенно переводятъ это мѣсто D. V. C. такъ: „черезъ каждыя 7 седмиць“. Но іудейскій календарь не знаетъ подобныхъ, черезъ 50 дней повторяющихся, праздниковъ, и потому естественнѣе предположить, что D. V. C. говоритъ о Пятидесятницѣ, праздновавшейся спустя 49 дней послѣ второго пасхальнаго дня, въ который приносили Господу первый снопы¹⁾. Въ трактатѣ, правда, не указывается пункта

¹⁾ Втор. 16, 8; Лев. 23, 15

для отсчитыванія 49 дней, но выраженія D. V. C. настолько совпадаютъ съ тѣми мѣстами другихъ сочиненій Филона, гдѣ онъ говоритъ о Пятидесятницѣ (см. примѣчанія къ переводу), что почти съ несомнѣнностью можно видѣть въ праздникѣ терапевтовъ Пятидесятницу. Впрочемъ, это подчепенный пунктъ, не отражающійся на реальности самого праздника.

Особенно отличаетъ большіе праздники терапевтовъ отъ субботъ устраивавшаяся по окончаніи гимновъ и молитвъ священная трапеза. Она въ этотъ день была особенно скромна, происходила, какъ и всѣ молитвенныя собранія терапевтовъ, солидно и чинно. Вслѣдъ за трапезой, приходившейся уже въ вечернее время, слѣдовало продолжавшееся всю ночь ликованіе. Участники *πρωτοῦς* давали большой просторъ свободному проявленію чувства, но авторъ не хочетъ, чтобы читатель его трактата, хотя на минуту, могъ вообразить, что терапевты забывали о святости собранія и совершали что-нибудь непристойное, напоминающее кошмарныя вакханаліи язычниковъ. Образуется два хора: мужчинъ и женщинъ. Въ томъ и другомъ избирается наиболѣе уважаемое и искусное въ пѣніи лицо въ качествѣ дирижера. Затѣмъ поютъ Богу хвалебныя пѣсни: то всѣ хоромъ, то антифонно, дѣйствуя руками и ногами въ тактъ гармоніи; то останавливаются, то опять двигаются, какъ того требуетъ ритмъ. Потомъ, когда каждая группа въ отдѣльности достаточно налеселится, всѣ, какъ бы напившись виномъ божественной любви, смѣшиваются вмѣстѣ и изъ обоихъ хоровъ составляется одинъ общій, въ подражаніе бывшему некогда на берегу Краснаго моря, послѣ совершившагося тамъ спасенія израильтянъ. „Въ праздникѣ терапевтовъ все, говоритъ Филонъ, возвышенно: прекрасны мысли и выраженія; благочестиво пристойны сами танцующіе. Конечная же цѣль и мыслей, и словъ, и танцевъ одна: благочестіе. Такъ-то до утра продолжаютъ они быть въ этомъ прекрасномъ оуя

невин, несколько не страдая головою болью и не испытывая утомления вѣжды, но, наоборотъ, чувствуя себя еще болѣе бодрыми, чѣмъ по приходѣ на пирь. Когда же они увидятъ восходящее свѣтило, обращаютъ къ востоку очи, руки и все тѣло, испрашивая себѣ истинно счастливаго дня, познанія истины и остроты ума. По окончаніи молитвы всѣ возвращаются въ свои семіоны, чтобы продолжать свое обычное занятіе философіей и обогащаться куплею мудрости“.

Внутренняя организація кружка. Въ филоновскомъ описаніи религиозныхъ праздниковъ терапевтовъ выдѣляются нѣкоторые должностныя лица, занимающія въ кружкѣ мѣсто какъ бы начальниковъ. Строгой организаціи, впрочемъ, не замѣчается. *Прѣдѣръ* выступаетъ только въ праздники; ничего не говорится о его значеніи въ хозяйственныхъ дѣлахъ общины. На основаніи аналогій и сопоставленій описанія D. V. C. съ *sodalitas* Римлянъ и Грековъ ¹⁾ можно бы нарисовать примѣрную картину взаимныхъ отношеній членовъ терапевтскаго кружка и опредѣлить обязанности *κλ* къ *πρѣδѣρ* и обратно. Но если держаться текста только „пожалѣвъ, какъ Кёлеръ ²⁾, о томъ, что іудей, написавшій D. V. C., былъ такъ неточенъ и туманенъ“, то придется отказаться отъ мысли установить въ *σύντηξ τῶν θεραπευτῶν* какое-либо членованіе и послѣдовательность степеней (хотя *ἀσκήσεις* 481, 42), подобное тому, напримѣръ, какіе источники указываютъ для ессеевъ. Да и степень развитія у нихъ общинной жизни при отсутствіи въ D. V. C. даже намековъ на то, на какія суммы устраивались ихъ пирь, опредѣлить невозможно. Вообще, для изслѣдователя социальныхъ ученій терапевты — неблагоприятное явленіе, и къ энергичной фразѣ

¹⁾ Foucart, *Associations religieuses*; Буассье, Римская рел. до Антониновъ, Paris, 1874, p. 269 ff. 278. 282. 288.

²⁾ Social. Irrlehren ü. d. Entst. d. Christ., 1899, Leipz. 207 ff.

Підготовлено Київської Духовної Академії і Семинарією,
<http://kdais.kiev.ua>

смысломъ“. Филонъ называетъ кружокъ терапевтовъ *εσθηταις*. Быть можетъ, это слово, употреблявшееся у грековъ для обозначенія цеха, гильдии, кружка, общины, даетъ право заключать, что терапевты, или по крайней мѣрѣ часть ихъ, живя особенно сосредоточенною жизнью, составляли интимный кружокъ, допускавшій къ себѣ только избранныхъ.

Отношеніе терапевтовъ D. V. C. къ синагогѣ. Жили-ли отшельники замкнутой общиной, не имѣвшей никакихъ связей съ синагогой? Пѣтъ необходимости настаивать на этомъ предположеніи. Они могли образовывать особый интимный кружокъ, поставившій своею цѣлью стремиться къ достиженію *ἡμετέρας τελειότητος*. Въ этотъ кружокъ, понятно, вступали только люди, наиболѣе ревнующіе о законѣ и Божіей правдѣ, для кого высъ религіозныхъ созерцаній была сферою болѣе сродною, чѣмъ земля съ ея скучными пѣслями. Отъ людей же, наиболѣе преданныхъ закону, естественно ждать и наиболѣе тщательнаго исполненія его предписаній; потому кружокъ этотъ не долженъ непременно стоять въ сторонѣ отъ синагоги, имѣя „еретическій“ и „сектантскій“ оттѣнокъ. Терапевты скорѣе составляли внутренний эсotericескій кружокъ, партію, школу въ самой синагогѣ ¹⁾, а не были самостоятельнымъ орденомъ въ родѣ есеейскаго. D. V. C. называетъ, правда, терапевтовъ *αἰρεσις*, но, какъ извѣстно, этимъ словомъ у грековъ обозначалось, именно, философское направление, школа. Діог. Лаэртскій I, 19: *τοὺς δὲ ἡθικῶς ὑπερβύτας αἰρέσεις δέκα Ἀκαδημαϊκή, Κερτικαὶ, ἑ...*; ср. 1. 20; Иосифъ Флавій, какъ *αἰρέσις*, описываетъ Есеевъ, Саддукеевъ и Фарисеевъ. Ср. Дѣян. 5, 17; 15, 5; 24, 5 ²⁾. Римляне, встрѣтивъ Павла,

¹⁾ *Ederchein*, Art. „Philo“ въ *Wace Dictionary of Christian biography* IV 1887 (очень сильная и спокойная статья противъ отрицат. взгляда); ср. *Döllinger op. et loc. cit.*

²⁾ *Cremers*. B.—theol. Wörterb. 9 Aufl. 1902, S. 92.

интересуются слышать отъ него о новой, „проповѣдуемой ереси (της αἱρέσεως τῆς νέας)“, т. е. христіанствѣ. Для обозначенія фракціи нежелательной и направленія мысли вреднаго, слово это стало употребляться позднѣе. Тит. 3. 10. ср. Дѣян. 24. 14. Мы видѣли, что описанные въ D. V. C. *ἱεσται* исполняютъ законъ, собираются по субботамъ и другимъ праздникамъ въ молитвенный домъ, почтительно относятся къ священству и храму. Мѣстомъ молитвенныхъ собраний іудеевъ была синагога; туда, вѣроятно, вмѣстѣ съ всѣми вѣрными ходили, и тѣ, кто „бѣжалъ за городскія стѣны“. Можно, впрочемъ, думать, что удалившись отъ „міра“, порвавъ связи съ окружающимъ обществомъ, терапевты D. V. C. и люди имъ подобные устраивали свои богослужебныя собранія (ср. Дѣян. VI, 9) по тому образцу и уставу, какой соблюдался всѣми іудеями (богослуженіе, описанное въ D. V. C., вполнѣ подходитъ къ синагогальному), — въ такомъ случаѣ *κοινὸν γεμεῖον* D. V. C. то же, что и синагога, или Бетъ-Мидрашъ, школа (ср. Дѣян. 19, 9), часто бывшая особой пристройкой или же помещеніемъ при синагогѣ. Помолившись Богу въ синагогѣ (быть можетъ, ближайшей къ мѣсту ихъ уединенія, находившейся гдѣ-нибудь на окраинахъ города), созерцатели, провожаемые почтительными взглядами богомольцевъ, уходили каждый въ свой *οικητήριον* производить духовную „куплю“, чтобы собрать возможно большую дань съ мудрости (D. V. C. 484, 4—5).

Если D. V. C., дѣйствительно, описываетъ молитвенныя собранія въ синагогѣ, то становится вполнѣ понятнымъ и упоминаніе трактата о женщинахъ, вмѣстѣ съ мужчинами присутствовавшихъ на богослуженіи: въ синагогахъ женщины были такими же постоянными посѣтителями, какъ и мужчины; съ ними вмѣстѣ тамъ пѣли, слушали поученіе (но не учили), занимая мѣста отдѣльно отъ мужчинъ. Присутствіе женщинъ было естественно и на національно-религіозныхъ торжествахъ, посвященныхъ воспоминанію великихъ собы-

тій родной исторіи. Можно думать, что и знаменитая Павлу¹ D. V. С. была не чѣмъ инымъ, какъ праздничнымъ собраніемъ іудеевъ по окончаніи синагогальнаго богослуженія, собраніемъ, на которомъ они пѣли священные и національныя пѣсни и танцевали. Собраніе это происходитъ могло или въ Бетъ-Мидрашъ куда, „евреи, послѣ окончанія богослуженія въ синагогѣ, отправлялись по субботамъ (Тяйтфуть, Horaе Hebraicae, In. Ev. Matth. 4. 23) или же прямо на открытомъ воздухѣ. Последнее вѣроятно, въ виду такихъ словъ D. V. С. (485, 1—2): „увидавъ восходящее солнце, они, простерши руки на небо, молятся объ истинно-благополучномъ днѣ, о дарованіи истины и остроты соображенія“.

Не отрицая возможности усиленныхъ подвиговъ со стороны іудейскихъ женщинъ и занятій ихъ закономъ (любопытно, что раввины позволяли женщинѣ учить Писаніе по греческому переводу ¹⁾), думаемъ, однако, что кружокъ терапевтовъ состоялъ изъ однихъ только мужчинъ. Женщинѣ, „имѣвшей ревность къ святой жизни“, представлялась возможность слушать „поученія мудрости“ на общихъ молитвенныхъ собраніяхъ александрійскихъ іудеевъ, гдѣ терапевты могли выступать въ качествѣ ораторовъ. Говоря же о подвигахъ въ собственномъ смыслѣ, D. V. С. имѣеть въ виду только мужчинъ—терапевтовъ, „оставившихъ жизнь ради высшихъ интересовъ“ (D. V. С. 479, 19) ²⁾. Правда, D. V. С. приписываетъ высокую ревность и святость по-

¹⁾ Ст. „Hellenism“ въ „T. Jew. Encycl.“ vol. VI. p. 337. Еврейское преданіе упоминаетъ о женщинахъ, достаточно свѣдущихъ въ законоученіи и считавшихся авторитетомъ даже среди книжниковъ; О. Стеллецкій, Бракъ у др. евреевъ, К. 1893, 202 (съ ссылкой на Weil'я „La femme juive, Paris 1874“).

²⁾ Впрочемъ это одва ли не техническая фраза. Ср. Мо. 19, 29.

двигов и женщинамъ; но въ доказательство ихъ благочестія приводитъ лишь одинъ фактъ ихъ участія въ праздничныхъ собраніяхъ. Упоминанія о нихъ объясняются, быть можетъ, единственно тѣмъ, что въ субботу терапевты необходимо встрѣчались въ синагогахъ съ женщинами. D. V. С., кажется, сближаетъ терапевтовъ съ александрійскими іудеями. *Θεραπευται* Филонъ называетъ даже индѣйскихъ босоногихъ философовъ и греческихъ мудрецовъ; съ тѣмъ большимъ правомъ онъ могъ назвать такъ своихъ единовѣрцевъ ¹⁾. Вполне правдоподобно, что Филонъ заговоривъ объ отшельникахъ, сводитъ рѣчь вообще на евреевъ, перенося черты нѣкоторыхъ на всѣхъ и обобщая частные взгляды и поступки. Цѣль сочиненія—сказать слово въ защиту іудеевъ: „лучшіе“ люди, стремившіеся къ жизни созерцательной, на которыхъ Филонъ съ гордостью могъ указать, какъ на образецъ истинно-мудрыхъ среди Израіля, по мысли Филона, были вмѣстѣ *αρετοι* и для всего человѣчества, были достойны подражанія не менѣе, чѣмъ философы всѣхъ другихъ націй. Но Филону важно было показать, что и весь презираемый и гонимый еврейскій народъ, изъ среды котораго выходятъ такие славные сыны, заслуживаетъ лучшаго къ себѣ отношенія... Какъ извѣстно, Филонъ вмѣстѣ съ другими современными іудейскими писателями не только указываетъ на превосходство религиозно-нравственныхъ заповѣдей Моисея, сравнительно съ законодательствами прочихъ народовъ, но и всегда даетъ понять, что въ священныхъ книгахъ Израіля заключена вся высшая мудрость и научная

¹⁾ Описаніе благопріятныхъ условій терапевтской колоніи буквально совпадаетъ съ восхваленіемъ климата Александріи Страбонамъ (Геогр. 17, 7) и др. писателями, и Филонъ въ D. V. С., повидимому, говоритъ именно объ Александріи вообще. Ср. De Abrahamo M. II, 14—15 (о хорошемъ климатѣ и благорастворенности воздуха въ Египтѣ).

и философская. Цѣня и пользуясь эллинистической культурою, еврейскіе писатели постоянно помнят о рѣзко обозначенныхъ предѣлахъ усвоеннаго ими откровенія, подчеркивая провиденціальную самобытность еврейской націи и несравнимость Моисея. Моисей—единственно истинный учитель; и если у грековъ постигаютъ истину только немногіе, одни философы, то, наоборотъ, евреи все „измлада“ знаютъ требованія совершеннаго закона, истиннаго *ὁρθὸς λόγος* (стоическій терминъ для обозначенія принциповъ жизни). Они, по Филону, какъ нельзя болѣе, подходятъ къ типу мудрыхъ: избранный жребій Бога (De plant. M. I, 338) и самая благочестивая нація (*ἡσυχίαν γένος* De Legatione M. II, 346, 8. Ср. *ἡσυχία* въ заголовкѣ D. V. C.). Евреи владѣютъ исключительной привилегіей быть Израилемъ (Израиль для него „видящій Бога“) ¹⁾, и уже по праву рожденія *ὁρατὶκὸν γένος* (Quod Deus sit immutabilis, I, 244; ср. D. V. C, 473, 10: τὸ θεορρατὸν γένος βλέπειν ἀπὸ προεξισταμένης).

Эта идеализація еврейскаго народа могла быть сдѣлана не только въ апологетическихъ цѣляхъ. Въ трактатѣ отразились и мечты автора объ идеально-совершенномъ образѣ жизни евреевъ, какъ понимать его Филонъ. „Израиль Филона—идеальный Израиль: вся его жизнь должна устроиться, соотвѣтственно его высокому призванію и тому преимущественному положенію, какое онъ занимаетъ среди народовъ міра. Для Филона все евреи должны быть *probi, ἀποδοτικοὶ, σπουδαῖοι, τῷ Θεῷ* ²⁾. D. V. C. и представляетъ картину,

¹⁾ Leg. alleg. 3, M. I, 124; De sacr. Ab. et C. I, 186; De Ebrietate, I. 369; Quis r. divinarum haeres I, 483; De cong. quaer erud. grat. I, 326; De profugis, I, 177; De nominum mutatione I, 590; De somn. lib. I; M. I, 646; lib. II; M. I, 681; De proem. et poen. II, 415; De virtutibus, II, 346 и др.

²⁾ De praemiis et poenis cp. Treitel, D. Religions u. kultur-geschichtliche Stellung Philos, Theolog. Stud. u. Kritiken 1904, 34, S. 391.

нарисованную челоѣкомъ, „бредившимъ терапевтами“, истинно благочестивыми людьми. Авторъ трактата смотритъ на міръ чрезъ свои грезы: его терапевты всѣ благородны, выдержаны, полны отвращенія ко всему дурному, настолько совершенны во всемъ, что никогда въ нихъ не замѣтно чего либо пошлаго и тривіальнаго¹⁾. Жизнь терапевтовъ это жизнь челоѣка, у котораго духъ торжествуетъ надъ чувственностью, который, заботясь объ одной лишь душѣ и постепенно освобождаясь отъ „всего что касается тѣла“, становится „гражданиномъ неба и міра“. Такая жизнь на языкѣ Филона есть „философія“, а она для него, какъ іудея, сводится къ изученію и аллегорическому толкованію священныхъ книгъ. Даже простое чтеніе Писанія по субботамъ онъ называетъ „философствованіемъ“ (*Vita Mosi lib III, M. II, 168, 3—6; De virtut. II. 568, 33—35*). Съ точки зрѣнія понятія древнихъ о философіи, какъ наукѣ жизни, это понятно, хотя у Филона были и спеціальные интересы говорить объ еврейскомъ богословіи языкомъ философскимъ.

Терапевты до нѣкоторой степени приближались къ идеальному образу жизни по Божіей правдѣ, и Филонъ, взявъ въ основу своего описанія подвиги ихъ, нарисовалъ картину челоѣка добродѣтельнаго *par excellence*. Однако, онъ даетъ намъ не совсѣмъ абстрактное, фантастическое описаніе (такъ Куеппен, Renan); изъ его работъ видно, что онъ, дѣйствительно, зналъ отшельниковъ, совершенно удалившихся отъ міра. Но, какъ поклонникъ добродѣтели, которая есть „дѣло всей нашей жизни“ и которой онъ всегда поетъ хвалебные гимны, Филонъ, естественно, воспользовался кружкомъ терапевтовъ, какъ канвой и матеріаломъ для обрисовки убѣжденій истиннаго „сердца“.

Опредѣлить ближе и точнѣе степень вліянія терапевтовъ на окружающую среду изслѣдователь не въ силахъ

¹⁾ Ренанъ, *Hist. d. p. d Isr. p. 365, 378, ed. 1893.*

но уже самый фактъ существованія D. V. C. достаточно свидѣтельствуесть о характерѣ тѣхъ религіозныхъ настроеній, какими въ началѣ нашей эры жило іудейство разсѣянія и которыя даютъ право поставить терапевтовъ D. V. C. въ ряду тѣхъ явленій мысли, которыя отмѣчаютъ свои моменты въ исторіи религіознаго сознанія новаго человѣчества. Міровоззрѣніе терапевтовъ, безъ сомнѣнія, опредѣлялось тѣми руководящими идеями, какія носились въ общей атмосферѣ іудейско-александриническаго эллинизма; и если строго послѣдовательнымъ было только меньшинство, то для остальной части общества были если не дороги, то, по крайней мѣрѣ, понятны философскія спекуляціи, разрѣшавшіяся отшельническими тенденціями.

Трудно судить и о степени ихъ распространенности. Если Филонъ, желая прадставить терапевтовъ въ особенно симпатичномъ для читателя свѣтѣ, описалъ ихъ какъ одно изъ обществъ мудрыхъ людей, философовъ, тогда они дѣйствительно могли принадлежать къ числу мудрецовъ, имѣющихся во всѣхъ странахъ, хотя бы они и были іудеи.— Не удивительно, въ такомъ случаѣ, и замѣчаніе D. V. C. (τὸ γένος τῶν θεραπευτῶν ἐστὶ πολλὰ ὄν). Если же терапевты D. V. C. законники александрійско-еврейской колоніи, то они тѣмъ болѣе не должны были казаться чѣмъ то исключительнымъ среди іудейства, которое тогда дѣйствительно было *πολλὰ ὄν* и вездѣ могло выдѣлять лицъ, особенно глубоко переживавшихъ религіозные порывы. Евреи средиземнаго побережья естественно тяготѣли къ Александріи. Помимо коммерческихъ интересовъ, влекло ихъ сюда (παταρχόθεν ἄριστοι ἀποικίαν στέλλονται πρὸς ὡρίων ὑπὲρ λίμνης Μαρίας 474, 40—42) и сознаніе, что Александрія, гдѣ былъ сдѣланъ переводъ LXX, замѣнявшій въ разсѣяніи древній національный текстъ, является для нихъ въ нѣкоторомъ родѣ новымъ отечествомъ. Отсюда въ D. V. C. 474, 41: πατρίς τῶν θεραπευτῶν μάλιστα πλεονάζει παρὰ τὴν Ἀλεξάνδρειαν.

Н. Смирновъ.